

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОГРАНИЧЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОГО РЕГИОНА)

Н. Н. КОВАЛЁВА

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь

Межкультурная коммуникация как вид социальной коммуникации базируется на культурной самоидентификации участников процесса. Понятие «культурная идентификация» отражает, прежде всего, процесс отождествления индивида или группы индивидов с определенной, уже сложившейся и закрепившейся в социоисторической памяти (традиции), системой культурных ценностей, что, в свою очередь, даёт возможность для данного индивида или группы почувствовать сопричастность к этим ценностям [1, с. 30].

На этих общих ценностях и базируется локальная идентичность, ярко выраженная у населения западно-белорусского региона, притом что этнонациональная идентичность представляется невыраженной и размытой. Идентичность населения пограничного региона формировалась под воздействием многих обстоятельств: миграционных процессов, приведших к нарушению компактности проживания этнических групп, изменения государственных границ, которые окончательно оформились лишь к середине XX в., изменения в силу указанных причин социальной и культурной дистанции между контактирующими народами, общности, или различия в конфессиональной принадлежности, государственной. Этнокультурное взаимодействие нескольких этносов (белорусов, украинцев, евреев, поляков) в регионе продолжалось на протяжении сотен лет. Полиэтнический регион пережил несколько этапов смены государственной политики: полонизация и доминирование польской культуры, затем русификация и доминирование русской культуры. Подавляющее большинство русских переселилось в регион в советское время в результате миграции послевоенного времени высококвалифицированных специалистов и руководящих кадров, что позволило им практически сразу занять высокие статусные позиции в обществе. С установлением советской власти культурная политика обрела наднациональный характер. Однако, проводимая в основном переселенцами из восточных районов БССР и других республик Советского Союза, культурная политика вела к повышению значимости русского языка и русской культуры и целенаправленно вытесняла представление об этнической идентичности из сознания людей.

В настоящее время межэтнические отношения являются объектом регулирования со стороны государства. Конституция гарантирует право на сохранение этнокультурной идентичности всем народам. Благодаря политике, направленной на утверждение этнической толерантности и сложившимся в регионе традициям межэтнического общения, подавляющее большинство жителей региона вообще не делает акцент на национальной принадлежности при выборе друзей, супруга и не учитывает в своей повседневной жизнедеятельности национальный фактор. Многие даже не могут дать ответ о своей национальной принадлежности, поскольку родились в этнически смешанных семьях.

Тем не менее, можно говорить о существовании особой локальной идентичности в регионе. Пространственная или локальная идентичность подчеркивается использованием терминов «западники» и «восточники». В качестве региональных отличий жителей западного региона обычно отмечают предприимчивость, практичность, мобильность (черты польской ментальности), более высокий уровень бытовой культуры, подчеркнуто проявляемое уважение к старшим, к женщине, особую манеру поведения, особенности речи. То, что действительно формирует локальную идентичность и создаёт у населения региона представление о принадлежности к некоей общности, это общая культурная среда, в которой на протяжении длительного времени существовали и продолжают существовать этносы пограничья. Точно так же, как формирование культуры этноса, происходит в процессе совместной деятельности этнофоров, компактно проживающих на одной территории [2, с. 63], формирование особой локальной культуры региона происходило на протяжении многих лет в результате взаимодействия нескольких этнических культур.

Авторитетный российский культуролог А. Я. Флиер трактует культурную среду как «комплекс культурных предпочтений населения, локализованного в границах определенного пространства», и включает туда четыре составляющих: символическую деятельность, выполняющую функции обучения людей нормам предпочитаемого социального поведения, нормативное социальное поведение, язык, с помощью которого осуществляется информационное обеспечение социальных взаимодействий и нравы, с помощью которых осуществляется регуляция социальных взаимодействий [3].

Символическая деятельность и её продукция (вербальные и невербальные произведения, религиозные и этнографические ритуалы и др.) играют огромную роль в формировании мировосприятия населения региона и его нравственном развитии. В западно-белорусском регионе, который в 1921–1939 гг. входил в состав Польши, отношение к религии и верующим было более лояльным, что способствовало сохранению конфессионального самосознания. Согласно данным исследователей, в целом в Западном регионе удельный вес верующих значительно выше, чем в Восточном (76,3 % и 59,8 %). На территории белорусско-украинского пограничья 67,0 % респондентов считают себя верующими [4, с. 137]. Примерно такой же высокий уровень религиозности отмечается на Гродненщине (67–69,9 %) [5, с. 413]. У многих жителей региона конфессиональная самоидентификация существует только на номинативном уровне (признание собственной конфессиональной принадлежности, главным образом, формальное), не подкрепленная ни знанием основ соответствующей религии, ни соответствующей культовой практикой [5, с. 414]. Зачастую религиозность подкрепляется культовой практикой (посещением церкви или костёла в дни религиозных праздников и выполнением соответствующих ритуалов – ситуативная религиозность) и представляет собой скорее дань традиции. Можно сказать, что посещение церкви или костёла, участие в таинствах, соблюдение постов и религиозных праздников постепенно входит в соционормативную культуру населения. При сравнении данных исследований населения белорусско-украинского пограничья в 1986 и 2006 гг. отмечено двукратное увеличение посещаемости храмов в дни христианских праздников, трёхкратное увеличение доли посещающих церковь регулярно [4, с. 138].

Притом, что религиозная составляющая рассматривается как значимый фактор формирования этнического самосознания, нельзя сказать, что в настоящее время вероисповедание является важнейшим идентификационным критерием этнической принадлежности и разделения населения пограничья на «русских» и «поляков», как это было в Российской империи. Хотя, действительно, польское национальное меньшинство демонстрирует стойкую приверженность католицизму. «Поляки белорусско-польского пограничья представляют собой «сакральную группу», единство которой формируется преимущественно на религиозных ценностях [6, с. 159]. Но и многие белорусы и украинцы, особенно родившиеся в семьях, где родители принадлежат к разным конфессиям и где существует толерантность в отношении выбора детьми той или иной конфессии, посещают костел. Характерно, что в Брестской области, где поляки составляют всего 1,3 % населения, очень высокими темпами растет количество католических общин. В Гродненской области католиками себя считает 34,5 % населения [5, с. 414]. Возможно, здесь играют роль устойчивые традиции семейного религиозного воспитания, сохранившиеся в католических семьях. «В западном регионе сохранилась традиция обучения детей в семьях основам христианского вероучения, приобщения детей к молитвам, посещению костела или церкви (особенно в дни религиозных праздников), соблюдения других религиозных предписаний (соблюдение постов и пр.)» [7, с. 80]. Действительно, полученное в детстве религиозное воспитание создавало устойчивый стереотип религиозного поведения, который в 1990-е и 2000-е гг., при прекращении антирелигиозной пропаганды, проявился у взрослых людей в открытой приверженности религиозным ценностям. К тому же католические приходы активно используют белорусский язык для проведения богослужения (наряду с польским) и издания литературы, что привлекает дополнительное число верующих. Наряду с католическими в Брестской и Гродненской областях высокими темпами растёт численность протестантских организаций. В целом в регионе существует конфессиональная толерантность, которая проявляется не только в отношениях между соседями, коллегами, принадлежащими к разным конфессиям, но и во внутрисемейных отношениях. В белорусских селах, где проживают католики и православные, как правило, отмечают и православные, и католические праздники, в особенности Рождество и Пасху.

Польский исследователь А. Садовский сделал вывод, что: «Поляком на белорусско-польском пограничье считается тот, кто поляком себя ощущает, кто родился в польской семье, принимает римско-католическое вероисповедание, остаётся в тесной связи с историей и польской культурой, использует польский язык» [6, с. 153]. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Как уже отмечалось выше, принадлежность к католическому вероисповеданию не является прерогативой только поляков. С другой стороны, даже этнические поляки недостаточно хорошо знают польскую историю, а живя в определённой культурной среде, впитывают ценности общие для всех этнических групп региона. Абсолютное большинство поляков Гродненской и Брестской областей являются уроженцами этого региона, так же, как и представители белорусской и украинской этнической общностей. Помимо общего региона проживания их объединяют те компоненты традиционной культуры, в которые вплелись религиозные мотивы: праздники, их коллективное празднование и традиции. Исследователи отмечают, что многие респонденты на вопрос об индикаторах этниче-

ской принадлежности на первое место ставят традиции и обычаи [7, с. 70–71]. В формировании локальной идентичности традициям принадлежит особая роль. Можно утверждать, что во многих семьях западно-белорусского региона существуют схожие традиции семейного воспитания, где в качестве средств такового используется семейный фольклор, семейные мемораты, реликвии, которые предназначаются детям, в особенности в семьях, являющихся потомками шляхты (здесь часто составляют семейные родословные). Практически во всех семьях сохраняются предметы быта, старинные иконы, фотографии и документы, имеющие целью демонстрацию детям позитивного опыта семьи, её родственных связей, презентацию семейных ценностей. Во многих сельских и некоторых городских семьях пограничья сохраняют традиции семейного иконостаса: размещённые с обеих сторон от икон фотоснимки родных и близких как демонстрация истории семьи и крепости семейных связей. Очень часто они украшаются красивыми вышитыми или переборного ткачества ручниками, создавая образ чего-то святого и очень ценного. В духовно-нравственном воспитании детей и молодежи региона очень показательным является сохранение народной традиции почитания предков («Дзяды»), что выявляется в ежегодном семейном посещении могил членов семьи и рода, исполнении обрядовых действий и поведении. Религиозное и семейное воспитание формирует определённые нормы социального поведения, основой которого является «осознанное чувство недопустимости нарушения привитого с детства религиозно-этического стереотипа поведения» [8, с. 270].

Определённое сходство наблюдается в обрядовых традициях белорусов, поляков, украинцев, национальной одежде, национальной кухне. Особенно сближают этносы пограничья народные песни, имеющие разнообразную региональную специфику исполнения. Типичным явлением для пограничья является функционирование одной популярной песни на двух-трёх языках.

Известно, что язык был основным критерием этнической принадлежности жителей России при проведении Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Но языковая ситуация в регионе всегда была сложной и неоднозначной, меняющейся в зависимости от того, какой язык приобретал статус государственного. Основная масса крестьянского населения региона, в большинстве своем неграмотная (в досоветское время), использовала на всём пограничном пространстве множество форм переходных говоров, совмещающих черты белорусского, украинского, а в некоторых районах и польского языков, что давало возможность считать, например, жителей Полесья то украинцами, то белорусами, то поляками, то отдельным народом. Даже сейчас многие жители региона, не придавая этому значения, очень гармонично используют в повседневном общении слова нескольких родственных языков. В результате наблюдается скорее не конкуренция, а взаимообогащение языков. Пройдя через несколько принудительных аккультураций, когда, политическая ситуация в стране требовала признания чужого языка в качестве родного (полонизация, русификация, советизация), жители региона привыкли (коллективная память населения хранит факты этих трансформаций) относиться к языковой проблеме философски и при необходимости переходить на использование другого языка. Естественным для жителей региона является билингвизм, проявляющийся в функционировании различных типов двуязычия (белорусско-русского, белорусско-украинского, русско-украинского, белорусско-польского и др.), а в ряде случаев многоязычия

(белорусско-русско-украинского, белорусско-русско-польского и др.).

Отсутствие языкового барьера, близость традиций семейного воспитания, фольклорных, народного творчества объясняет тот факт, почему многие жители пограничья ощущают свою принадлежность в равной степени к различным этническим общностям. Украинская исследовательница Г. Б. Бондаренко считает характерным для современных этнокультурных процессов в пограничных районах в целом преобладание социального над этническим. Она отмечает, что на украинско-молдавском пограничье, например, фиксируется принятие украинской или румынской национальности, а в порубежье – с поляками Волыни – принятие польской национальности. Аналогичные процессы происходят и на белорусско-польском пограничье, хотя и без официального принятия польской национальности [9, с. 563]. Действительно, с начала 1990-х гг., когда отмечалась экономическая нестабильность, а у жителей Гродненщины и Брестчины появилась возможность учиться и работать за границей, наблюдалась активизация изучения польского языка и культуры. А с 2008 г., когда у граждан бывшего СССР появилась возможность получения карты поляка, очень многие белорусы, особенно жители западно-белорусского региона, заявили о своей принадлежности к «польской народности».

Таким образом, можно утверждать, что близкая этнокультурная дистанция, длительные контакты и взаимодействия народов региона, нередко смешение их культур и языков снижают актуальность их самоидентификации с каким-то одним определённым этносом. Реально существующие региональные компоненты культуры, представляющие собой симбиоз белорусской, русской, украинской и польской культур, формируют определённую культурную среду. Люди, происходящие из этой культурной среды, имеют общий культурный код, существование которого облегчает коммуникацию между ними, убирая барьеры, в том числе и в виде государственных границ, и облегчая контакты с гражданами Польши и Украины.

Литература

1. Рогозина, О. Л. Роль традиций в формировании национально-культурной идентичности в современном мире / О. Л. Рогозина // Этнічна, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве: зборнік навуковых прац удзельнікаў Міжнар. навук. – практ. канф., 29–30 мая 2014 г., г. Магілёў / Маг. дзярж. ун-т харч.; уклад. І. А. Пушкін; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Магілёў : МДУХ, 2014. – 357 с.

2. Макрушич, Е. Н. Факторы сохранения культурной самобытности этнических общностей в современном обществе / Е. Н. Макрушич // Этнічна, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве: зборнік навуковых прац удзельнікаў Міжнар. навук. – практ. канф., 29–30 мая 2014 г., г. Магілёў / Маг. дзярж. ун-т харч.; уклад. І. А. Пушкін; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Магілёў : МДУХ, 2014. – 357 с.

3. Флиер, А. Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер // Информ. гуманитар. портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 2 (март – апр.). – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu. – Дата доступа: 20.05. 2022.

4. Касперович, Г. И. Особенности этнокультурного взаимодействия в этноконтактном регионе / Г. И. Касперович // Границы, культуры и идентичности. Этнология

восточнославянского пограничья / Редактор составитель М. Ю. Мартынова. – М. : ИЭА РАН, 2012. – 440 с.

5. Попов, И. А. О результатах мониторинга общественного мнения населения Гродненской области по этноконфессиональной проблематике / И. А. Попов // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Редактор составитель М. Ю. Мартынова. – М. : ИЭА РАН, 2012. – С. 410–418.

6. Гернович, А. Особенности этнического самосознания поляков в условиях белорусско-польского пограничья [Электронный ресурс] / А. Гернович // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2005. – № 3–4. – С 151–160. – Режим доступа: Untitled-1.pmd (ehu.lt). – Дата доступа: 20.05 2022.

7. Ракова, Л. В. Традиции семейного воспитания и их роль в процессах самоидентификации студентов и школьников (на материалах Гродненской области) / Л. В. Ракова // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Редактор-составитель М. Ю. Мартынова. – М. : ИЭА РАН, 2012. – 440 с.

8. Листова, Т. А. Взаимодействие конфессий на российско-украинско-белорусском пограничье. Современное состояние / Т. А. Листова // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Редактор составитель М. Ю. Мартынова. – М. : ИЭА РАН, 2012. – 440 с.

9. Бондаренко, Г. Б. Державні пріоритети та процеси національної ідентифікації (за матеріалами Українського Порубіжжя) / Г. Б. Бондаренко / Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Навук. рэд. А. І. Лакотка; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2009. – Вып. 6.

Автор статьи, обращаясь к проблеме межкультурной коммуникации, базирующейся на культурной самоидентификации, делает вывод, что длительные контакты и взаимодействия народов региона, нередко смешение их культур и языков снижают актуальность их самоидентификации с каким-то одним определённым этносом. Поэтому этносы пограничья, формирующиеся в одной культурной среде, имеют общий культурный код, существование которого облегчает коммуникацию между ними.

The author of the article, referring to the problem of intercultural communication based on cultural self-identification, concludes that long-term contacts and interactions between the peoples of the region, often mixing their cultures and languages, reduce the relevance of their self-identification with one particular ethnic group. Therefore, the ethnic groups of the borderland, formed in the same cultural environment, have a common cultural code, the existence of which facilitates communication between them.